

М.С. Поляков, М.Н. Милеева

ПРОЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.В. НАБОКОВА

Ивановский государственный химико-технологический университет
E-mail: ino@isuct.ru

С целью выявления русского национально-специфического характера проанализирован ряд прозаических произведений Владимира Набокова, созданных автором за рубежом. Выявлено, что русские реалии остаются неизменными спутниками его романов, а лучшие традиции отечественной литературы виртуозно переданы посредством неродного языка.

Ключевые слова: ментальность, русская литература, русскость, русские реалии, реминисценция, аллегория, В. Набоков.

Менталитет относят к национально-специфическому уровню культуры. Язык как средство выражения мыслей и чувств является средством проявления особенностей ментальности. Через анализ фольклора и литературы можно выделить особенности менталитета той или иной нации по сравнению с другой. Все известные нам типы культуры – идеальные модели, возвышающиеся над конкретными фактами и событиями. Таковы понятия «Античность», «Средневековье», «Ренессанс», «Запад», «Восток» и т.д. Тип культуры – социокультурная целостность, локализованная в пространстве или во времени, выделенная на основании одного или ряда существенных признаков: язык, религия, хозяйство, отношение к природе и человеку, традиции и новации.

Назовём наиболее характерные особенности русского менталитета, которые отмечает большинство исследователей. Основу всякой ментальности составляют глубинные структуры сознания, позволяющие ориентироваться во времени и пространстве. О специфическом российском переживании пространства (бескрайность русской равнины, отсутствие границ, открытость) писали многие исследователи, в том числе, В. Ключевский, Н. Бердяев, Г. Федотов. Модель Русского Космоса – это Путь-дорога, бесконечное движение, бескрайняя даль – была чутко уловлена поэтами, многократно писавшими об этом. Открытость, незавершённость, вопрошание – важные ценности русской культуры.

Русская культура, по утверждению многих мыслителей, предельно открытая культура,

способная понять «другого», «чужого», подверженная разным влияниям. Переживание Пространства обусловлено спецификой русского ландшафта и территории, переживание Времени обусловлено преимущественно христианством (линейность) и европейскими религиями. Эта особенность русского сознания находит отражение в литературе и искусстве, философской мысли. Двойственность культуры и человека показана в великих произведениях русской литературы, прежде всего в романах Ф.М. Достоевского («Двойник», «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Бесы»).

Постараемся определить основные особенности русской литературной традиции, отражающиеся в реалиях западной культуры. Данный вопрос особенно был актуален для России начала XX века. Процессы, происходившие в России в тот период, создали особую ситуацию, когда многие представители творческой интеллигенции были вынуждены иммигрировать, и большинство в качестве прибежища выбрало Запад. Это своего рода уникальное явление – наложение неродной среды: языка, традиций, обычаев, когнитивной базы на природную ментальность русского человека – не могло не найти своего отражения в творчестве писателей и поэтов. Сочетание особого русского восприятия мира – ментальности, выражения мысли, построения фраз – с новой культурой и отражение этого синтеза с помощью средств неродного языка приводит к появлению авторского художественного стиля.

При анализе литературных произведений, написанных русским автором на иностранной

почве, мы ориентировались на творчество Владимира Владимировича Набокова. Он являлся одним из российских иммигрантов начала XX в., творившим за рубежом на протяжении многих лет. Однако его творчество не утратило отличительные черты и вековые традиции русской литературы.

В русской литературе XX века В.В. Набоков занимает особое место по целому ряду причин. Во-первых, его писательская биография, начавшаяся на исходе Серебряного века русской поэзии, охватывает почти все хронологические этапы литературы XX века вплоть до 70-х годов. В этом отношении именно набоковское творчество обеспечивает преемственность современной русской литературы. По степени воздействия на стилевые процессы в русской, да и в мировой литературе последней трети XX века, В. Набоков – один из самых современных, самых эстетически влиятельных художников. Во-вторых, творчество Набокова причастно истории сразу двух национальных литератур – русской и американской; причем и русскоязычные, и англоязычные произведения писателя – выдающиеся художественные явления, подлинные литературные шедевры. В-третьих, В. Набоков больше, чем кто-либо из его современников, сделал для знакомства западной читательской аудитории с вершинами русской литературной классики. Именно он по-настоящему «открыл» для Запада русских классиков первой половины XIX века, особенно творчество А.С. Пушкина.

Россия остается одной из главных тем для Набокова, занимает значимое место в его творчестве и является одной из самых интересных. Если проанализировать ряд стихотворений, то можно уловить нечто общее, что, возможно, поможет лучше понять Набокова. Так, образу России посвящено около полусотни произведений, среди которых можно выделить несколько неизменных образов, рождающихся в тех или иных стихотворениях и столь родных и близких любому русскому человеку: лес/чаща/берёза, поле/степь, Бог/храм/молитва, земля, дорога/путь. Всё это традиционные, коренные образы, характерные для русского народа и ассоциирующиеся с Россией. Стихотворения, посвященные Родине, полны грусти, тоски, даже упрека, упрекав том, что автор больше не может любоваться природой, наслаждаться красотой родных мест.

Выражение родной ментальности в произведениях Набокова легко прослеживается в создаваемых им образах. Воспитанный на русских сказках, произведениях российских классиков, исповедовавший православную веру, Набоков сохранил русское прошлое в своей душе и перенес на страницы своих шедевров. Неосознанно будущий автор «*Лолиты*» придает почти каждо-

му персонажу некую русскость: его герои испытывают внутренние противоречия, они кажутся окружающим странными, замкнутыми, «себе на уме». Прочитывая главы его романов, мы не можем не заметить, что Набоков очень большое внимание уделяет внутреннему миру человека, его ощущениям, чувствам, эмоциям, переживаниям, мыслям. Это всегда противопоставление героя миру, внутренний конфликт между желаемым и действительным, реальным и ложным, добром и злом, альтруизмом и индивидуализмом, что так характерно для русской литературной традиции. Все это прослеживается в таких знаковых произведениях писателя как «*Ада*» (1971), «*Лолита*» (1955), «*Подлинная жизнь Себастьяна Найта*» (1941), «*Волшебник*» (1933), «*Подвиг*» (1932), «*Король, дама, валет*» (1928), «*Машенька*» (1926) и других. Поэтому трагизм – общая линия, связывающая воедино большинство произведений мастера и русскую традиционную классическую литературу А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова.

Набокову присущи те же стереотипы, что существуют в России по отношению к другим нациям. Например, англичан в романе «*Подвиг*» (гл. 14) он описывает как медлительных, сонных, вялых, неэмоциональных, безынициативных, но законопослушных людей: «*Этот Дарвин подробно освятил ему в назидание некоторые строгие исконные правила: не полагается студенту ходить по улице в шляпе и пальто, как бы холодно на улице ни было; и следует каждого знакомого приветствовать широкой улыбкой и развязным междометием. ... Дарвин поражал Мартына своей сонностью, медлительностью движений, какой-то комфортабельностью всего существа.... Глаза у него (Дарвина) были голубоватые, пустые, без всякого выражения. Все в нем было добротно, велико и невозмутимо.*

...И только один Дарвин, большой, сонный англичанин в канареечно-желтом джемпере, развалился в кресле, сопя трубочкой и глядя в потолок, одобрительно кивал.

Набокову в своих произведениях мастерски удается нарисовать картины, связанные с некими неурядицами, конфузами, недопониманием героев – русских по происхождению, но живущих в Старом или Новом свете, – с жителями этих стран, что особо отчетливо просматривается в романах «*Подвиг*», «*Пнин*», «*Подлинная жизнь Себастьяна Найта*», «*Дар*», «*Другие берега*».

«Подвиг», 1932 (гл.13.): «*В Кембридже он и подавно почувствовал себя иностранцем. Встречаясь с англичанами-студентами, он, дивясь, отмечал свое несомненное русское нутро. От полуанглийского детства у него остались только такие вещи, которые у коренных англичан, его сверстников, читавших в детстве*

те же книги, затуманились. А жизнь Мартына круто повернула, пошла по другому пути, и тем самым навыки детства получили для него привкус некоторой сказочности, и какая-нибудь книга, любимая в те дни, оставалась в его памяти прелестнее и ярче, чем та же книга в памяти сверстников-англичан. Он помнил и говорил словечки, которые десять лет назад были в ходу среди английских школьников, а ныне считались либо вульгарными, либо до смешного старомодными. Синим пламенем пылающий плампуддинг подавался в Петербурге не только на Рождество, как в Англии, а в любой день.... В футбол петербуржцы играли на твердой земле, а не на дерне, и штрафной удар обозначался не известным в Англии словом "пендель". Цвета полосатой курточки, купленной когда-то у Дрюса, Мартын бы теперь не смел носить, так как они отвечали спортивной форме определенного училища, воспитанником которого он никогда не состоял. И вообще все это английское, довольно в сущности случайное, процеживалось сквозь настоящее, русское, принимало особые русские оттенки».

«Подвиг» (гл. 14): «Он вспоминал. Гроздь рябины лежала посреди дороги, где колеи были подернуты слюдяным ледком. Ярко-желтая листва безрез скудела с каждым днем, несмотря на безветрие, и с задумчивым весельем глядело сквозь нее бирюзовое небо. Рыжели пышные папоротники; плыли по воздуху радужные паутинки, которые дядя Генрих называл волосами Богородицы. Иногда Мартын поднимал голову, думая, что слышит далекое, далекое курлыканье журавлей, – но их не было. Он много бродил, чего-то искал, ездил на скверном велосипеде одного из работников по шелестящим тропинкам, а Софья Дмитриевна, сидя на скамейке под кленом, задумчиво прокалывала острием тростки сырые багровые листья на бурой земле. Такой разнообразной и дикой красоты не было в Англии, природа казалась оранжерейной, ручной; в геометрических садах, под морозящим небом, она умирала без роскошных причуд, но по-своему

были прекрасны розовато-серые стены, прямоугольные газоны, покрытые в редкие погожие утра бледным серебром инея и выгнутый каменный мостик над узкой рекой, образовавший полный круг со своим совершенным отражением...

Он заметил, что всякий считает должным говорить с ним о России, выяснить, что он думает о революции, об интервенции, о Ленине и Троцком, а иные, побывавшие в России, хвалили русское хлебосольство или спрашивали, не знает ли он случайно Иванова из Москвы. Мартыну такие разговоры претили; небрежно взяв со стола том Пушкина, он начинал переводить вслух стихи: "Люблю я пышное природы увяданье, в багрец и золото одетые леса". [1]

Здесь Набоков нарочито противопоставляет жизнь в России и в Англии. Явная тоска по дому, по родной земле присутствует даже в этих небольших отрывках. Зачастую Набоков, особенно в произведениях, созданных после эмиграции, ностальгически вспоминает Россию: традиции, обычаи, семейные уклады и нравы, взаимоотношения детей и родителей. Но уже опытный и всемирно известный Набоков, проживая продолжительное время в Европе и США, использует в своих произведениях реалии западной культуры, но справедливости ради нужно заметить, что образ России, русские люди остаются навсегда на страницах его книг.

Одной из его последних работ является роман «Ада» (1971). События романа происходят в конце XIX века в США. Но как ни странно, Набоков наделил главных героев прямыми российскими корнями. В романе можно встретить множество русских именованных городов (Ладога, Калуга), имена главных героев также русские: Марина, Ада, Иван, Андрей, Дементий (Демон на западный манер), тонко автор передает русские традиции, обычаи, российский семейный уклад и нравы. В таблице 1 обобщаются транслитерации, перевод которых мог быть не понятен иностранцу, поскольку они были основаны на русских реалиях того времени и являются лакунарными, или аллюзорными словосочетаниями.

Таблица 1

Лакунарные транслитерации

Оригинальный текст	Перевод	Способ передачи
<i>Ved'</i> ('it is, isn't it') sidesplitting to imagine	Ведь разве не уморительно вообразить...	Транслитерация
in the neighboring bor (piney wood)	В соседний бор (сосновый лес)	
<i>teper' iz ada</i> ('now is out of hell')	Теперь из ада	
with this came coarse black peasant bread; dusky <i>klubnika</i> (<i>Fragaria elatior</i>), and huge, bright-red garden strawberries	К сему подавались грубоватый крестьянский черный хлеб; темная клубника и крупная, ярко-красная земляника	

Продолжение таблицы 1

after G. A. Vronsky, the movie man, had left Marina for another long-lashed <i>Khristosik</i> as he called all pretty starlets	После того как Вронский бросил ее ради очередного <i>Khristosika</i> с длинными ресничками, как он называл всех хорошеньких начинающих звезд	Лакуна
Marina arrived in Nice a few days after the duel, and tracked Demon down in his villa Armina, and in the ecstasy of reconciliation neither remembered to dupe procreation, whereupon started the extremely <i>interesnoe polozhenie</i> ('interesting condition')	Марина заявила в Ниццу через несколько дней после дуэли, разыскала Демона на его вилле Армина, и в экстазе примирения оба позабыли об уловках, предотвращающих деторождение, в результате чего Марина и попала в крайне <i>интересное положение</i> ...	
This routine Russian feast consisted in the Ardis household of <i>prostokvasha</i> (translated by English governesses as curds-and-whey)	Этот неперменный русский обряд состоял для обитателей Ардиса в откушивании простокваши (интерпретируемой на английский манер как curds-and-whey)	Аллюзия и лакуна
(<i>mimo, chitatel'</i> ,' as Turgenev wrote)	«Мимо, читатель» – как писал Тургенев	Аллюзия на роман Тургенева «Дым»
' <i>Slivok</i> (some cream)? I hope you speak Russian?' Marina asked Van, as she poured him a cup of tea. ' <i>Neohotno no sovershenno svobodno</i> (reluctantly but quite fluently),' replied Van, <i>slegka ulybnuvshis'</i> (with a slight smile).	Сливки? Надеюсь, ты говоришь по-русски? – спросила Вана Марина, наливая ему чай. Неохотно, но совершенно свободно, – ответил Ван, слегка улыбнувшись.	Транслитерация (Сливки, неохотно, но свободно) и реминисценция (слегка улыбувшись – знаменитая цитата из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»)

Таблица 2

Отечественные аллюзии

Оригинал	Комментарий	Комментарий
'All happy families are more or less dissimilar; all unhappy ones are more or less alike,' says a great Russian writer in the beginning of a famous novel	«Все счастливые семьи счастливы, в общем-то, по-разному; все несчастные – в общем-то, похожи друг на друга», – говорит великий русский писатель в начале своего известного романа	Реминисценция на роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина»
an American play based on a famous Russian romance	Американская пьеса основывается на известном русском романе в стихах	Реминисценция на роман в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина
Tonight she contented herself with the automatic ceremony of giving him what she remembered, more or less correctly, when planning the menu, as being his favorite food – <i>zelyonnyae shchi</i> , containing slippery hard-boiled eggs, irresistibly soft, meat-filled or carrot-filled or cabbage-filled <i>pirozhi</i> . After that, she had decided, there would be bread-crumbed sander (<i>sudak</i>) with boiled potatoes, hazel-hen (<i>ryabchiki</i>) and that	На вечере Марина, не слишком напрягаясь, удовлетворилась традиционным потчеванием Демона его любимыми блюдами...: зеленые щи со скользкими сваренными вкрутую яйцами, ...пирожками с капустой, морковью и мясом. После этого должен был подаваться, по ее замыслу, судак, зажаренный в сухарях, с отварным картофелем и рябчики...	Описание обеда по-русски
my poor <i>dushen'ka</i> ('darling,' more than 'darling'),	Бедный мой душенька (куда сердечней, чем darling)	Аллюзия (русское ласковое обращение)
Morning so nebulous, morning gray-drowning, Reaped fields so sorrowful under snow coverings	Утро туманное, утро седое, Нивы печальные, снегом покрытые	Аллюзия (Стихотворение И.С. Тургенева)
O you, at least, do talk to me, My seven-stringed companion, Such yearning ache invades my soul, Such moonlight fills the canyon!	О, говори, хоть ты со мной, подруга семиструнная... Душа полна такой тоской, а ночь такая лунная...	Аллюзия (Цыганский романс)
'Finish your tea, my precious,' called Marina	Допей чай, догорая! – сказала Марина	Finish вместо drink up

Русские реалии, на которые мы ссылались выше, объединены в таблице 2.

Столь же многочисленны в произведениях В. Набокова реалии западные. Они приведены нами в таблице 3.

На страницах книг писателя можно встретить автореминисценции (ссылки на свои же известные произведения), а также слова, придуманные автором (Таблица 4).

Одним из произведений, написанных в США, является роман «Пнина» (1957). Само название говорит о том, что главный герой – русский, но собственно действие происходит в США. Снова Набоков нарочито выделяет рус-

скость Пнина: гениальной рукой автора герой наделяется привычками типичного русского интеллигента, ему даже присваивается иконно русское имя – Тимофей.

Можно выделить несколько наиболее ярких примеров, связанных с привычками и манерами русских (таблица 5).

Сюжет романа «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (1941) также неотделимо связан с Россией. Главные герои – два русских брата-эмигранта, один из которых живет в Англии, а другой – во Франции. Набоков не только снова обращается к теме взаимоотношения русских и иностранцев, но и поднимает вопрос о внутрен-

Таблица 3

Западные аллюзии

Оригинальный текст	Перевод	Комментарий
How in the course of American history an English 'bull' had become a New England 'bell.'	В процессе становления Америки английские «бул» преобразовались в «бел»	Этот каламбур отражает важнейшие события американской истории: от английского владычества (<i>Bull</i> – традиционно-ироничное прозвище англичан) до установления независимости (<i>Bell</i> – колокол свободы).
Well, now the Nile is settled stop Speke.	Ну вот, с Нилом все в порядке. Точка. Стенли...	Историческая фраза, которую произнес перед Королевским Географическим обществом английский путешественник Джон Спик.
In the final tragic triumph of human cogitation: I am because I die.	В завершающей трагической победе человеческой мысли: я умираю, следовательно, я существую.	Переосмысленный афоризм Декарта: «Я мыслю, значит, я существую».
Special asparagus (<i>bezukhanka</i>) which does not produce Proust's After-effect.	По-особому сваренная спаржа, которая прустовских последствий не вызывает.	Приступы астмы у Пруста
	Травертиада	Контаминация, соединяющая фамилию итальянского композитора с названием его оперы.
	Четвертая авеню	Такой улицы нет в Нью-Йорке. Автор хочет показать, что рассказчик обманывает, говоря, что бывал на этой улице.
	Арказия	Персонаж аллегорической поэмы «Королева Фей» английского поэта Э. Спенсера.
Mad Avenue	Медисон Авеню	Лакуна. Не Псих-Авеню. Это сокращение от Медисон Авеню.
A cat appeared from under a bush and, despite a chorus of 'kitty-kitty,' vanished.	Из кустов появилась кошка, но, несмотря на призывы 'кис-кис', скрылась.	Кошку в США зовут pussy-pussy или kitty-kitty, но не кис-кис (лакуна).

Таблица 4

Авторские новации

Оригинальный текст	Перевод	Комментарий
Near Lolita	Близ Лолиты...	Имеется в виду город, где жила Лолита.
To wear her Lolita	Надеть свою лолиту	Имеется в виду юбка, которую любила Лолита (широкая черная юбка).
Re-noboby	Снова никого	Неоним Набокова

Переводческие сложности

Перевод	Оригинальный текст по Набокову	Комментарий
Слушайте, Комаров, – сказал Пнин (довольно невежливое обращение).	'Look here, Komarov (Poslushayte, Komarov –rather discourteous manner of address) – said Pnin.	Несовпадение норм обращений в России и США.
Отделения искусств	Arts Department	Неверный перевод
Дом Президента	President's House	Неверный перевод
Органами, отвечающими за порождение звуков английской речи, являются: гортань, небо, губы, язык (пульчинелла этой труппы) и последнее (по порядку, но не по значению) – нижняя челюсть; на ее-то сверхэнергетические и отчасти жевательные движения и полагался главным образом Пнин, переводя на занятиях куски из русской грамматики или какое-нибудь стихотворение Пушкина. Если его русский язык был музыкой, то английский – убийством. Особые затруднения («дзифи-икультси-и» на пниновском английском) были у него связаны со смягчением звуков, ему никак не удавалось устранить дополнительную русскую смазку из t и d, стоящих перед гласными, которые он столь причудливо умягчал. Его взрывное 'hat' («I never go in hat even in winter») отличалось от общеамериканского выговора 'hot' (типичного, скажем, для обитателей Вайнделла) лишь большей краткостью и оттого более походило на немецкий глагол 'hat' (имеет). Долгие "о" у него неукоснительно становились короткими: 'no' звучало просто по-итальянски, что усиливалось его манерой утраивать это простое отрицание («May I give you a lift, Mr Pnin?» – «No-no-no, I have only two paces from here»). Он не умел (и не догадывался) хоть как-то произносить долгое 'у': единственное, что он мог смастерить, когда приходилось сказать 'noon', это вялую гласную немецкого 'nun' («I have no classes in aftern ^{un} on Tuesday. Today is Tuesday.»)	The organs concerned in the production of English speech sounds are the larynx, the velum, the lips, the tongue {that punchinello in the troupe}, and, last but not least, the lower jaw; mainly upon its over-energetic and somewhat ruminant motion did Pnin rely when translating in class passages in the Russian grammar or some poem by Pushkin. If his Russian was music, his English was murder. He had enormous difficulty ('dzeefeecooltsee' in Pninian English) with depalatization, never managing to remove the extra Russian moisture from t's and d's before the vowels he so quaintly softened. His explosive 'hat' ('I never go in a hat even in winter') differed from the common American pronunciation of 'hot' (typical of Waindell townspeople, for example) only by its briefer duration, and thus sounded very much like the German verb hat (has). Long o's with him inevitably became short ones: his 'no' sounded positively Italian, and this was accentuated by his trick of triplicating the simple negative («May I give you a lift, Mr Pnin?» «No-no-no, I have only two paces from here»). He did not possess (nor was he aware of this lack) any long oo: all he could muster when called upon to utter 'noon' was the lax vowel of the German 'nun' («I have no classes in aftern ^{un} on Tuesday. Today is Tuesday.»)	Указание типичных ошибок русских при изучении английского языка (в произношении и грамматике).
Прежде чем покинуть библиотеку, он решил проверить, как произносится слово 'interested', и обнаружил, что Уэбстер помещает ударение не на третий слог, в отличие от него.	Before leaving the library, he decided to look up the correct pronunciation of 'interested', and discovered that Webster lying on a table did not place the stress accent on the third syllable, as he did.	
Во всю праздничную неделю мая – так называемую Зеленую Неделю, потом уже ставшую неделей Пятидесятницы..., а в Троицын день венки стряхивались в реку.	During a festive week in May – the so-called Green Week which graded into Whitsuntide... and on Whit Sunday the wreaths were shaken down into the river.	Русские православные традиции и обряды
В 1941 году, на исходе первого года обучения, он продвинулся достаточно для того, чтобы бойко пользоваться оборотами вроде 'wishful thinking' и 'okey-dokey'.	In 1941, at the end of one year of study, he was proficient enough to use glibly terms like 'wishful thinking' and 'okey-dokey'	Распространенные фразы в США, означающие «хорошо».

Продолжение таблицы 5

<p>Все лекции нашего друга редактировал один из младших сотрудников кафедры германистики. Процедура была довольно сложная. Профессор Пнин добросовестно переводил свой избыливающий при- словьями русский речевой поток на лоскутный английский. Молодой Миллер исправлял перевод. Затем секретарша доктора Гагена, мисс Айзенбор, печатала его на машинке. Затем Пнин выкидывал места, которых он не понимал.</p>	<p>All our friend's lectures were edited by one of the younger members of the German Department. The procedure was somewhat complicated. Professor Pnin laboriously translated his own Russian verbal flow, teeming with idiomatic proverbs, into patchy English. This was revised by young Miller. Then Dr Hagen's secretary, a Miss Eisenbohr, typed it out. Then Pnin deleted the passages he could not understand.</p>	<p>Сравнение русского языка (избыливающий присловьями речевой поток) с лоскутным английским.</p>
<p>Сердце мое согревает тот российско-интеллигентский способ, посредством которого Пнин попадает внутрь своего пальто: склоненная голова обнаруживает ее совершенную голизну, подбородок, длинный, как у Герцогини из Страны Чудес, крепко прижимает перекрещенные концы зеленого шарфа, удерживая их на груди в требуемом положении, а Пнин тем временем, вскидывая широкие плечи, исхитряется попасть руками в обе проймы сразу, еще рывок, – и пальто надето.</p>	<p>It warmed my heart, the Russian-intelligentski way he had of getting into his overcoat: his inclined head would demonstrate its ideal baldness, and his large, Duchess of Wonderland chin would firmly press against the crossed ends of his green muffler to hold it in place on his chest while, with a jerk of his broad shoulders, he contrived to get into both armholes at once; another heave and the coat was on.</p>	<p>Ироничное описание привычек русских интеллигентов.</p>

Таблица 6

Авторское проявление «русскости»

Перевод	Оригинальный текст по Набокову	Комментарий
<p>Он завтракал в Холле овсянкой такой же серой и скучной, как небо над Большим Двором, и апельсиновым джемом – в точности того же оттенка, что и ползучая поросль на его стенах.</p>	<p>He had had breakfast in Hall, with the porridge as grey and dull as the sky above Great Court and the orange marmalade of exactly the same hue as the creeper on its walls.</p>	<p>Описание типичного английского завтрака</p>
<p>Оказывается, английский язык Себастьяна, хотя плавный и образный, решительно оставался английским иностранца. Его начальные 'г' раскатывались и грохотали, он делал смешные ошибки, говорил «I have seized cold» или «that fellow is sympathetic», например, разумея, что это славный мальчик. Он неправильно ставил ударения в таких словах, как 'interesting' или 'laboratory'. Он неверно выговаривал имена вроде 'Socrates' или 'Desdemona'.</p>	<p>It appears that Sebastian's English, though fluent and idiomatic, was decidedly that of a foreigner. His r's when beginning a word, rolled and rasped, he made queer mistakes, saying, for instance, 'I have seized a cold' or 'that fellow is sympathetic' - merely meaning that he was a nice Chap. He misplaced the accent in such words as 'interesting' or 'laboratory'. He mispronounced names like 'Socrates' or 'Desdemona'. Once corrected, he would never repeat the mistake, but the very fact of his not being quite sure about certain words distressed him enormously and he used to blush a bright pink when, owing to a chance verbal flaw, some utterance of his would not be quite understood by an obtuse listener.</p>	<p>Типичные ошибки русских в Англии</p>

нем глубинном мире человека, описывает переживания непризнанного писателя, который, в конце концов, кончает жизнь самоубийством. Набоков осознанно или интуитивно возвращается к этой проблеме, исконно волновавшей сердца и умы российских служителей муз.

В таблице 6 приводятся некоторые примеры из романа, иллюстрирующие удивительное умение автора передать особенности русской души и их проявление на зарубежной почве.

Ментальность – это устойчивое свойство человека, которое вырабатывается на протяже-

нии десятков лет и зависит от множества факторов: географических, природных, культурных, религиозных, определяется воспитанием и образованием человека. Ментальность человека неосознанно проявляется не только в обыденных ситуациях, но и в искусстве как средство выражения мировоззрения, мировосприятия художника, его ценностей, мыслей, чувств, эмоций, взглядов.

В данной работе мы постарались на примере творчества В.В. Набокова показать, как русская ментальность проявилась в его художественных текстах. Исходя из анализа, осмысления главной идеи произведений, созданных образов, можно сделать вывод о том, что Набоков не утратил русские черты, не слился в единую неотличимую массу с окружавшими его иностранцами, сохранив культурную идентичность.

Набоков говорил: «...вся Россия, которая мне нужна, всегда со мной: литература, язык и мое собственное русское детство...». Он сумел сохранить лучшие традиции русской литературы и виртуозно, мастерски передал их посредством неродного языка. Набоковские персонажи неотделимы от России, так же как основные ценности, идеи, мысли героев очень понятны русскому человеку и близки по духу.

И самое главное, он однажды произнес: «Не люблю привязывать произведения искусства к окружающей действительности. Тот факт, что я

был вынужден писать книги на неродном языке и поселять своих героев не в той среде, где вырос сам, не имеет никакого отношения к тому, что я хочу сказать и что с тем же успехом сказал бы, не случись советской революции».

Таким образом, Набоков является миссионером русской культуры на Западе и продолжателем лучших традиций классической литературы нашего отечества.

Список использованной литературы

1. Nabokov V.V. URL: <http://newlit.ru/~nabokov/3922.html>; <http://ageofbook.com/fiction/nabokov-vladimir/2242-podvig-nabokov-vladimir.html>
2. Nabokov V.V. URL: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/nabokov/all>
3. Nabokov V.V. Ada, or Ardor: A Family Chronicle. URL: <http://www.ada.auckland.ac.nz/>
4. Nabokov V.V. Lolita (homeenglish.ru). URL: http://www.randomhouse.com/features/nabokov/lo_excerpt.html
5. Nabokov V.V. The Real life of Sebastian Knight. URL: <http://www.litencyc.com/php/sworcs.php?rec=true&UID=7531>
6. Набоков В.В. Ада, или Эротиада: Семейная хроника. М.: АСТ, 2006. 700 с.
7. Набоков В.В. Лолита. Король, дама, валет. М.: АСТ, ЗАО НПП Ермак, 2004. 699 с.
8. Набоков В.В. Подлинная жизнь Себастьяна Найта. Пнин. Bend Sinister: Романы. СПб.: Северо-Запад, 1993. 527 с.

Статья поступила 12.10.2010

Принята в печать 19.10.2010